

Ю.А. Васильев

ЮРИЙ АНДРОПОВ

На пути к власти

Мифы и правда истории

Мифы и правда истории

Юрий Васильев

Юрий Андропов. На пути к власти

«ВЕЧЕ»

2018

Васильев Ю. А.

Юрий Андропов. На пути к власти / Ю. А. Васильев — «ВЕЧЕ», 2018 — (Мифы и правда истории)

ISBN 978-5-4484-7259-6

Начало политической биографии Ю.В. Андропова неразрывно связано с основной частью истории шестнадцатой союзной республики СССР – Карело-Финской ССР (1940–1956 гг.). Карельское время Андропова (1940–1951) обусловило его формирование как молодого перспективного политического деятеля, который прошел суровую школу становления в качестве руководителя молодежи, специалиста в области организации военной работы (подпольной деятельности в оккупированных районах, партизанского движения, аналитической разведки) в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны на Севере. Особая страница карельского времени Ю.В. Андропова скрыта за тайнами политического выживания в период позднего сталинизма. Болезненным для Карелии оказался отголосок «ленинградского дела» – результат непримиримого противостояния партийных группировок в сталинской системе власти. В качестве второго руководителя в партийной иерархии КФССР Андропов оказался в фокусе противостояния политических элит в 1949–1950 гг. В событиях данного времени можно обнаружить разгадку многих вопросов политической биографии Андропова 1950–1980-х гг.

ISBN 978-5-4484-7259-6

© Васильев Ю. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Введение	6
I. Война на севере: школа становления	10
«Этот Андропов... опять лезет не в свои сани»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Васильев

Юрий Андропов. На пути к власти

© Васильев Ю.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

Введение

Личность и биография Ю.В. Андропова как человека и политика до сих пор окутаны множеством загадок и домыслов, являются объектом мифотворчества. Тайны начала пути к власти будущего председателя КГБ СССР и генерального секретаря ЦК КПСС практически не изучены. Начало пути к власти Андропова были тяжелыми годами. Не раз его политическая карьера оказывалась под угрозой. И не только карьера, но и само существование.

Авторы многих публикаций об Андропове акцентируют внимание на поиске информации критического содержания, используют противоречивые сведения из недостоверных источников. В современных изданиях часто встречаются сомнительные трактовки военных событий, в условиях которых пришлось действовать Ю.В. Андропову. Особенно это касается оккупированных территорий союзной Карело-Финской республики, в которых проживали финно-угорские народы. Другая излюбленная тема критиков Андропова связана с его участием и ролью в «ленинградском деле», тяжелая волна которого прокатилась по Карелии в 1949–1950 гг. Один из ключевых вопросов, обсуждаемых до сих пор, – обвинения в предательстве, которые нередко предъявляются в адрес Ю.В. Андропова по отношению к партийному руководителю Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянову.

В современном мифотворчестве преобладает увлечение поиском сенсаций и трагических картин, отягощенных политической и пропагандистской риторикой. Нередко авторы акцентируют внимание на отдельных фактах, которые будоражат сознание, вызывая эмоциональное восприятие, но не создают полной и объективной картины. Писатель И. Минутко одним из первых опубликовал выписки с критикой Андропова, извлеченные из рукописных мемуаров бывшего партийного руководителя Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянова, хранящихся в фонде Национального архива Республики Карелия. Публикация данного материала, вероятно, по задумке автора, претендовавшая на сенсацию, была представлена без всякого указания архивной легенды (см.: Минутко, 2004: 74–81). Цитирование архивных материалов с обличительным материалом разошлось по многим сайтам в Интернете. С. Чертопруд в своих книгах, повторяя критические оценки Куприянова об Андропове, дал ссылки уже на текст Минутко (см.: Чертопруд, 2006: 59–66).

Необъяснимо заявление журналиста Л. Млечина, что Андропов «никогда не руководил ни реальным производством, ни каким-то регионом. Не имел ни экономических познаний, ни опыта практической работы в промышленности, сельском хозяйстве, финансах» (там же: 16). Чем же тогда занимался руководитель комсомола Карело-Финской ССР в 1940–1944 гг., в годы восстановления освобожденной столицы союзной республики города Петрозаводска, второй секретарь Петрозаводского горкома партии в 1944–1946 гг. (фактически его руководитель, поскольку должность первого секретаря совмещал – так было принято – партийный руководитель республики Г.Н. Куприянов), наконец, второй секретарь ЦК Компартии КФССР в 1947–1951 гг., отвечавший за экономику и всю промышленность и транспорт республики? Надо отдать должное тогдашней системе – работать с кадрами умели, для работы в руководящей должности нужно было проявить знания, навыки, опыт.

В этой связи заслуживает внимания авторитетное мнение П.С. Прокконена, председателя правительства Карело-Финской ССР в 1940–1947 и 1950–1956 гг. В своих воспоминаниях он свидетельствовал: «Мне пришлось многие годы работать в республике вместе с Ю.В. Андроповым. Не было дня, чтобы мы совместно не решали тот или иной вопрос жизни республики. У меня сохранились самые лучшие воспоминания об этой большой организаторской работе, которую проводил Ю.В. Андропов в партийной организации республики» (Прокконен, 2010: 155).

Конкретизируя данную оценку, П.С. Прокконен констатировал значительную роль ЦК комсомола республики и его первого секретаря Ю. Андропова в годы войны в связи с созданием лесозаготовительных предприятий на Севере Карелии: «Строительство этих предприятий осуществлялось, главным образом, руками молодежи: ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР направил на это дело и на работу в лесную промышленность свыше 10 тысяч юношей и девушек, многое сделал по организации обучения молодежи профессиям строителя и лесоруба. По инициативе ЦК ЛКСМ были созданы сотни комсомольско-молодежных бригад на предприятиях лесной промышленности, которые показывали образцы трудового героизма в тяжелые годы войны. Она, молодежь республики, находилась на передовой линии борьбы за обеспечение нужд Карельского фронта всем необходимым. В основном руками молодых тружеников в тяжелые годы войны были построены лесозаготовительные предприятия в северной тайге. Их же руками в основном завершилось строительство железнодорожной линии Сорокская – Обозерская. Она, молодежь, практически вынесла все тяготы по обеспечению прифронтовой железной дороги дровами. Руками юных изготавливались многие миллионы комплектов спецтары, винтовочных лож и другая продукция <...>

Говоря о восстановлении и развитии народного хозяйства после освобождения территории республики, о решении связанных с этим многих очень сложных вопросов, мне хочется отметить исключительно большую роль Ю.В. Андропова, работавшего в первый период после освобождения территории республики секретарем Петрозаводского горкома КПСС, а затем вторым секретарем ЦК Компартии Карело-Финской ССР» (там же: 154).

Далее, по свидетельству П.С. Прокконена, «вопросы восстановления предприятий лесной промышленности, восстановления целлюлозно-бумажной промышленности, создания строительных организаций, строительства Западно-Карельской железнодорожной линии Суоярви – Юшкозеро и восстановление других отраслей народного хозяйства – все эти и другие вопросы по линии ЦК Компартии решались при непосредственном участии Ю.В. Андропова» (там же: 155).

В книге в единую историческую схему объединены три ипостаси: исторический герой повествования – Юрий Андропов как политик и человек. Вторая – Карело-Финская союзная республика, в которой он прошел суровую школу становления в качестве руководителя. Политическая биография Ю.В. Андропова неразрывно связана с основной частью истории шестнадцатой союзной республики СССР (1940–1956 гг.). Третья – карельское время Андропова (1940–1951), которое обусловило его формирование как молодого перспективного политического деятеля, дало уникальный опыт руководящей работы, а также политического выживания в период позднего сталинизма. Такой синтетический подход позволяет показать основные процессы и явления, характеризующие историческую эпоху. В событиях данного времени можно обнаружить разгадку многих вопросов политической биографии Андропова 1950-х – 1980-х гг.

В карельском времени Юрия Андропова внимание автора сфокусировано на *осевых* хронологических периодах, в которых соединились все указанные ипостаси. В них содержатся неразгаданные тайны и нераскрытые секреты: 1) годы Великой Отечественной войны в условиях прифронтовой республики (1941–1944). Представляется, что репрезентация исторических реалий войны на территории Карело-Финской ССР в большей степени должна быть связана не только и не столько с описательной стороной отдельных событий – важнее выявить, какими причинами были вызваны происходившие процессы, исследовать их природу, тенденции и закономерности, осветить ключевые проблемы исторической эпохи и роль исторических персонажей; 2) особая страница карельского времени Ю.В. Андропова связана с периодом позднего сталинизма, его апогеем. Болезненным для Карелии оказался отголосок «ленинградского дела» – результат непримиримого противоборства партийных группировок в сталинской системе власти. В качестве одного из партийных руководителей КФССР Андропов оказался

в фокусе противостояния политических элит в 1949–1950 гг. и сыграл в нем отведенную ему роль. В книге впервые публикуются и анализируются ранее недоступные архивные документы, проливающие свет на политические баталии послевоенной исторической эпохи и механизм функционирования системы власти в стране.

Автор выражает огромную благодарность архивистам, которые оказали неоценимую помощь и поддержку при подготовке книги. В их числе: Прокуменщиков Михаил Юрьевич – зам. директора РГАНИ, Шепелев Валерий Николаевич – зам. директора РГАСПИ, Горская Галина Владимировна – зав. отделом РГАСПИ, Головач Ольга Николаевна – зав. архивохранилищем № 2 РГАСПИ, Токарева Галина Михайловна – бывший зав. читальным залом № 3 РГАСПИ, Александров Дмитрий Александрович – главный специалист архивохранилища № 2 РГАСПИ; Котович Лидия Сергеевна – зав. читальным залом Национального архива Республики Карелия. Благодаря их помощи, поддержке и пониманию были получены материалы, многие из которых еще не использованы в научном обороте, ранее были недоступны для исследователей.

Особую признательность следует высказать известному российскому журналисту и издателю Юрию Викторовичу Шлейкину, лауреату литературной премии ФСБ РФ за книгу «Андропов. Карелия. 1940–1951... Биографическая хроника». Петрозаводск: Острова, 2014. Благожелательное и конструктивное содействие с его стороны в поиске документальных материалов по теме, обмен мнениями по многим вопросам способствовали созданию творческого заряда и импульса в продвижении книги. Ю.В. Шлейкин выступил инициатором и модератором проведения наших встреч в Петрозаводске со специалистами, архивистами, краеведами, учеными Института истории, языка и литературы Карельского научного центра РАН, преподавателями и студентами, родственниками людей, которые работали с Ю.В. Андроповым и другими руководителями Карело-Финской ССР. Мероприятия проходили в Национальном музее (в здании, где размещался ЦК КП(б) КФССР), в Национальном архиве Республики Карелия, Петрозаводском государственном университете, студентом которого был Андропов в 1947–1951 гг. Лучшей апробации просто придумать нельзя. В руководстве организацией данного проекта непосредственное участие приняли директор Национального музея Республики Карелия Гольденберг Михаил Леонидович, директор Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Веригин Сергей Геннадьевич, известный карельский историк и краевед доктор исторических наук, профессор Пашков Александр Михайлович, директор Национального архива Республики Карелия кандидат филологических наук Жаринова Ольга Михайловна, заместитель директора НА РК Петухова Ирина Геннадьевна.

Историческая память связывает воедино знаковые исторические события, происходившие в родном городе автора данной книги – карельской Сегеже – в годы Великой Отечественной войны прифронтовом рабочем поселке, городе (с 1943 г.). Среди основных участников событий военного лихолетья – Юрий Владимирович Андропов. Сегежа, в которой Андропову приходилось заниматься важными делами, являлась одним из основных партизанских центров, который находился недалеко от линии фронта, остававшейся почти неизменной до июня 1944 г. Поселок, расположенный на Кировской (ныне Октябрьской) железной дороге, был образован в 1938 г. для «эксплуатационных кадров» грандиозной стройки ГУЛАГа – Сегежстроя: в составе Беломорско-Балтийского Комбината (ББК) создавался сегежский лесобумхимкомбинат – крупнейший производитель мешочной бумаги не только в СССР, но и во всей Европе. Для большой стройки в октябре 1939 г. был организован Сегежлаг. В связи с началом войны 28 июня 1941 г. он был закрыт.

Административная столица КФССР в годы войны г. Беломорск находился в сотне километров от Сегежи. По свидетельству партийного руководителя Карело-Финской ССР, члена Военного совета Карельского фронта генерал-майора Г.Н. Куприянова, в годы войны

Сегежа являлась «главной базой партизан Карелии», она сыграла «большую роль в войне на Севере» (НАРК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 246. Л. 116–117. Республика – фронту. 1967 г.). Для подготовки партизанских кадров в приграничном поселке была создана партизанская спецшкола, здесь проходили подготовку партизаны и подпольщики. Из Сегежи многие партизанские отряды уходили в поход. Так, первая партизанская бригада в июне 1942 г. именно отсюда отправилась за линию фронта, сюда же вернулась в августе 1942 г. Сегежа стала тыловой базой 32-й армии Карельского фронта, в поселке располагался фронтовой склад горючих и смазочных материалов. Зимой на ледяном аэродроме базировался полк истребителей. Отсюда осуществлялась заброска за линию фронта на самолетах подпольщиков и разведчиков. В январе 1942 г. в Сегеже временно находились Военный совет и штаб Карельского фронта. В поселке размещались несколько стационарных и передвижных госпиталей, сюда доставляли раненых партизан. В декабре 1943 г. Сегежа получила статус города: данный вопрос специально рассматривался на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 18 декабря 1943 г., п. 364 г. В постановлении Оргбюро ЦК записано: «Принять предложение ЦК КП(б) КФССР о преобразовании рабочего поселка Сегежа в город республиканского подчинения, выделив его из состава Медвежьегорского района» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Т. 1. Д. 140. Л. 58). В послевоенный период советской истории, в 1960 г., Большая Сегежа стала Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Карельское время в политической биографии Ю.В. Андропова тесно связано со столицей Карело-Финской ССР – Петрозаводском, особенно в период его восстановления и работы Андропова в качестве одного из руководителей города, а затем – республики.

I. Война на севере: школа становления

Многие печатные издания, Интернет и публикации в СМИ тиражируют бездоказательные и необоснованные фразы обличительного характера о работе Ю.В. Андропова в годы Великой Отечественной войны в сложных условиях прифронтовой республики, где ему приходилось заниматься организацией секретной подпольной деятельности в оккупированных районах и партизанского движения в Карелии.

Писатель и публицист С.Н. Семанов утверждал, что имеющиеся источники не содержат никаких подробностей об участии Андропова в руководстве партизанским движением в Карелии в военные годы (см.: Семанов, 2014: 27). Автор, вероятно, просто не знал об их существовании в архивных коллекциях. В качестве обоснования подобного вывода приводилось дилетантское положение, что Андропов по должности был тогда «секретарем карельского комсомола», поэтому «он даже военной формы не носил» (там же). Не удосужился, к сожалению, биограф даже вполне доступные фотографии военных лет посмотреть, на которых Андропов запечатлен и в полевой гимнастерке, и в шинели с полевой фуражкой на голове, и в кирзовых сапогах. Поэтому неудивительно заключение, к которому пришел повествователь биографии Андропова: «Какова тут была личная роль карельского комсорга, до сих пор ничего не известно, скорее всего, никакой» (там же). С.Н. Семанов обратил внимание, что «когда во время недолгого пребывания Андропова генсеком некоторые литераторы ... бросились было сочинять о «карельских партизанах», сам герой отнесся к этим затеям сугубо отрицательно» (там же). Писатель увидел в этом факте в зрелые годы Андропова «присущую ему осторожность» (там же). Сам факт имел место, но предпочтительнее его трактовка, изложенная в содержательной и интересной книге, написанной бывшим помощником председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова – И.Е. Синициным: когда Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, в Агитпропе ЦК партии задумали подготовить книгу об успехах партизанского движения в Карелии и Андропове как его руководителе. Узнав об этой «инициативе», Андропов в резкой форме запретил печатать даже статьи на эту тему в средствах массовой информации (см.: Синицин, 2015: 284). В то время уже был известен опыт издания брежневской «Малой земли» и других подобных публикаций с героизацией руководящей роли отдельных персонажей в военные годы.

Обличительную линию в отношении Андропова развивает журналист Л. Млечин. В присущей ему тональности в книгах об Андропове автор допускает бездоказательные суждения по поводу «партизанской» строчки в биографии Андропова, которая появилась якобы для того, чтобы украсить образ главного чекиста страны. Оказывается, по фантазии Млечина, нелюбимый герой его политической биографии не был награжден даже медалью «Партизану Отечественной войны», которая якобы «раздавалась в массовом порядке» (Млечин, 2008: 44). Ошибся автор. В партизанской среде эта медаль ценилась как орден. В воспоминаниях С.П. Татаурщикова, который в годы войны был известным карельским партизаном, «медаль эту давали очень скупно, одну-две на отряд <...> У меня уже медаль «За отвагу» была. Но я, как и все, мечтал о партизанской медали, пусть даже латунной, второй степени» (Воспоминания, 2010: 422).

Повторяя избитую фразу без ссылки на источник, Млечин утверждает, что «фронта Андропов избежал, он был нужнее в тылу» (Млечин, 2008: 43). Кроме того, оказалось, что в Карелии (которая являлась прифронтовой республикой, две трети ее территории было оккупировано), «комсомольским секретарям чекисты поручали отбирать молодежь для партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп» (там же). Куда уж смотрел руководитель комсомола страны, член ЦК ВКП(б) и член Оргбюро партии Н.А. Михайлов, когда его руководящими кадрами в союзных республиках командовали неизвестные чекисты – неведомо.

В современных публикациях часто встречаются сомнительные трактовки военных событий, в условиях которых пришлось действовать Ю.В. Андропову. Особенно это касается оккупированных территорий. В числе подобных изданий – книга Марка Солонина, в которой автор утверждает: «Объективное обсуждение финского оккупационного режима совершенно невозможно без учета того главного фактора, который и вызвал такие противоправные и негуманные действия финских властей, как насильственное переселение и создание лагерей для перемещенных лиц. Речь идет, разумеется, о так называемых карельских партизанах, т. е. диверсионных отрядах НКВД, терроризировавших мирное население Финляндии и Карелии» (Солонин, 2008: 20). В данном положении выражается не просто непонимание феномена партизанского движения на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны – уничижительные определения по поводу «так называемых карельских партизан» и отождествление их с группами НКВД недопустимы и оскорбительны. Солонин фактически повторяет заключение одного из отчетов финской оккупационной администрации (Военного управления Восточной Карелии), в котором причиной принудительного переселения населения объявлялось «оживленное» партизанское движение, вследствие чего финские власти «приняли меры по эвакуации населения» (см.: Веригин, 2013: 222). Но данное объяснение по поводу ответных действий карельских партизан имеет тактический характер. В стратегическом плане политика финской администрации на оккупированной территории была определена задолго до вторжения финляндских войск в Карело-Финскую ССР. Программа действий определялась идеологией создания будущей «Великой Финляндии», включающей территории Карелии с этнически родственным финно-угорским населением.

Необоснованные и бездоказательные интерпретации, высказанные Солониным, созвучны аргументам, тиражируемым в средствах массовой информации Финляндии, которые в постсоветский период настойчиво поднимают так называемый партизанский вопрос: ряд общественных организаций и политических деятелей страны обвиняют бывших советских партизан в совершении военных преступлений на территории Финляндии и требуют выдачи их финскому правосудию как военных преступников. Так, общество «Суур Суоми» («Великая Финляндия») требует суда над бывшими советскими партизанами за жестокости по отношению к мирному населению Финляндии. Известно, что в прокуратуру Республики Карелия были присланы списки «преступников» (Карелия. 1999. 11 марта. № 13 (529): Электронный ресурс). Был бы жив Ю.В. Андропов – наверняка бы оказался в первых строках подобного «санкционного» списка как один из главных организаторов «истребления оккупантов» на территории Карело-Финской ССР.

Постановление ЦК ВЛКСМ от 5 октября 1942 г. «О руководстве работой комсомольских организаций в тылу врага» требовало «всемерно воспитывать ненависть к гитлеровцам». Этим решением устанавливалась персональная ответственность первых секретарей прифронтовых ЦК ЛКСМ, обкомов за организацию подпольной работы на оккупированных территориях. Юрий Андропов являлся одним из представителей этой категории комсомольских руководителей. Центральный комсомольский орган страны обязал развернуть соревнование «по истреблению оккупантов», «всемерно расширять это соревнование», организовать широкую пропаганду «опыта передовиков соревнования по истреблению оккупантов» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 6. Л. 56–56 об.). Приведенные установки напоминают проверенные методы борьбы за достижения индустриализации и коллективизации в довоенную советскую эпоху. Результат достигался развертыванием массового соревнования, пропагандой передовых успехов. В условиях войны результат оценивался в показателях уничтожения врага – оккупантов. В феврале 1944 г. Ю.В. Андропов докладывал в Москву об успешном выполнении коллективных и личных боевых обязательств, принятых в канун 25-летия ВЛКСМ при подписании письма Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину комсомольцами и молодежью партизанских отрядов

Карелии (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 30). Данная акция была организована по инициативе Андропова.

Как известно, решение о военных преступниках вынесено Нюрнбергским военным трибуналом: в качестве таковых объявлены нацистская Германия и ее союзники. Судебный процесс над военными преступниками в Финляндии, по настоянию Союзной контрольной комиссии, проходил в ноябре 1945 – феврале 1946 г. Современные финляндские исследователи категорически отрицают причастность Финляндии к союзу с Германией. Тогда как определить факт вторжения финляндских войск, на башнях танков которых красовалась свастика, и оккупацию значительной территории Советского Союза – двух третей Карело-Финской союзной республики? Захватчиков никто не приглашал на землю Карелии – они пришли сами. Количество жертв среди гражданского населения Финляндии, которое ставится в вину карельским партизанам (по разным данным: по одним – 147 человек, по другим – 176, по третьим – около 200 человек) несоизмеримо с потерями среди мирного населения на оккупированной территории Советской Карелии. Вследствие тяжелых условий содержания в 7 специальных лагерях Петрозаводска – тяжелых работ, голода, массовых болезней, а также расстрелов – погибло, по разным данным, от 4 до 7 тысяч человек, которые похоронены на кладбище «Пески» в Петрозаводске. В основном это были женщины, старики и дети, в большинстве – граждане русской национальности. Смертность в этих лагерях в 1941–1942 гг. оказалась выше, чем в концлагерях фашистской Германии (Гольденберг, Шлейкин, 2016: 31).

Для понимания реалий военной эпохи необходимо обратить внимание на важные психологические аспекты. В условиях Великой Отечественной войны в общественном сознании советского человека защита Отечества олицетворялась с непримиримой борьбой и уничтожением врага, выраженной в короткой образной фразе – «Убей немца!». После публикации в «Комсомольской правде» стихотворения Константина Симонова «Убей его!» любой человек на оккупированной территории от мала до велика знал, что нужно делать. Обжигающие строки Симонова призывали: «Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей! / Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» (Комсомольская правда. 1942. 19 июля. С. 3). В собирательный образ «немца» вкладывалось не этническое, а широкое определение врага – будь он немец, финн, румын, мадьяр и пр., если он оказался союзником или сателлитом ненавистного Гитлера в самой жестокой войне в истории человечества. Критерий патриотизма был сформулирован предельно точно: «И пока его не убил, / То молчи о своей любви – / Край, где рос ты, и дом, где жил, / Своей Родиной не зови» (там же). Вот что стояло за пониманием термина «истребление оккупантов» в условиях военного времени. В Карелии их было принято называть «немецко-финскими оккупантами».

Военные действия финляндской стороны были продиктованы реализацией идеи «Великой Финляндии», как бы ни открещивались от этого многие финляндские деятели. Данный тезис был детально подтвержден и обоснован в годы войны в том числе благодаря информации, добытой подпольем «Могикана» – Ю.В. Андропова. Как и то, что провалилась попытка создания «Великой Финляндии» за счет присоединения территории т. н. Восточной Карелии со всеми ее природными богатствами. «Родственное» финно-угорское население, которое вроде бы пришли освобождать от большевизма финляндские войска, не восприняло новую власть и новую идеологию.

«Этот Андропов... опять лезет не в свои сани»

Сегодня десятки сайтов в Интернете повторяют одни и те же нелестные оценки в отношении Андропова, источником которых стали критические фразы из неопубликованных рукописей бывшего первого секретаря ЦК КП(б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта генерал-майора Г.Н. Куприянова. Рукописные записи в многочисленных школьных тетрадках, а также машинописные тексты в переплете хранятся в фонде Г.Н. Куприянова Р-3435 в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК). В их числе рукописи: «Война на Севере» (Ч. 1, 2, 3), «Партизанская война в Карелии в период стабилизации обороны», «Республика – фронту», «Подпольная работа в тылу врага», «Национальный вопрос», «Записки партийного работника», «О комсомоле» и др.

Г.Н. Куприянов констатировал, что работой подпольных комитетов руководил заведующий оргинструкторским отделом ЦК КП(б) Карело-Финской ССР И.В. Власов (НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 214. Л. 139). Бывший партийный руководитель республики подчеркивал, что заворг предлагал направить Андропова секретарем подпольного горкома партии в оккупированную финскими войсками столицу республики – Петрозаводск. Секретарь ЦК Компартии по кадрам Варламов А.С. высказывал другое предложение – назначить Андропова комиссаром партизанского отряда «Комсомолец Карелии». Варламов мотивировал свое мнение следующим: «Единственно, что он делает, так подбирает кадры Власову для посылки в тыл» (там же. Д. 198. Л. 12). Варламов говорил партийному руководителю: «Юрий молодой, здоровый парень, что ему околачиваться в тылах? В комсомоле республики остались одни девушки-подростки пионерского возраста. А в ЦК комсомола хватит работников и без Андропова – пусть повоюет. И будет очень хорошо, если комсомольский партизанский отряд возглавит секретарь ЦК комсомола» (там же). Далее Куприянов писал: «Но Юрий Владимирович сам не просился послать его на войну, в подполье или партизаны, как настойчиво просились многие работники старше его по возрасту. Больше того, он часто жаловался на больные почки. И вообще на слабое здоровье. Был у него и еще один довод для отказа отправить его в подполье или в партизанский отряд: в Беломорске у него жила жена, она только что родила ребенка...» Поэтому, по словам Куприянова, он, как партийный руководитель, рассчитывал: «Может, сам поймет!» и не имел «морального права применить высшую силу, высшее право послать Ю.В. Андропова в партизаны, руководствуясь партийной дисциплиной. Как-то неудобно было сказать: «Не хочешь ли повоевать?» Человек прячется за свою номенклатурную бронь, за свою болезнь, за жену и ребенка», а первая жена между тем из Ярославля «забрасывала письмами и жалобами» (Война на Севере. Ч. 2, гл. 14 // НА РК.Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 188. Л. 204–206, 208–209; Д. 198. Л. 12 об. – 13). Все эти фразы датированы апрелем 1963 г. – июнем 1964 г.

Еще более хлесткими выражениями Куприянов обвинял Андропова в «природной трусости», «в карьеризме и приспособленчестве, интриганстве, клевете и шкурничестве». Уклонение от отправки за линию фронта, по Куприянову, «было продиктовано исключительно большой хронической трусостью и удивительным даром приспособленчества, которым он обладает». Бывший партийный руководитель республики даже вывел некую формулу явления под названием «хамелеонство» и дал определение хамелеона – «приспособленец, политическая мадам фюр-алле», умеющая успешно использовать положительные качества, что позволяет «достижение личных целей карьериста». «Такова правда истории, правда жизни», – утверждал Куприянов (там же. Д. 198. Л. 15 об. – 17).

Конечно, в значительной степени подобные оценки были обусловлены жестокой обидой человека, репрессированного по «ленинградскому делу» и томившегося в тюрьмах и лагерях в 1950–1956 гг. Куприянов утверждал, что после его ареста «некоторые из подпольщиков были арестованы, некоторые сняты с работы по инициативе Ю.В. Андропова». Одновременно он

резко оценивал позицию Г.М. Маленкова, который являлся, по мнению Куприянова, виновником отклонения представления карельского руководства к награде партизан и подпольщиков осенью 1944 г., после чего последовали обвинения в адрес Куприянова и Власова в связи с «политической близорукостью» в отношении деятельности подпольщиков в годы войны (там же. Д. 198. Л. 17 об.; Д. 244. Л. 58 об.). По свидетельству писателя-документалиста О.Н. Тихонова, записавшего исповедь Куприянова, чувство обиды стало причиной состояния, в котором «Куприянов был весь кричащая болезненная правда» (Тихонов, 1990: 396). Это была не месть, а именно чувство обиды (там же: 408). Маленков получил характеристику как человек «ограниченный, но чересчур самодовольный», «политически неграмотный» (там же: 402). При этом в Куприянове была отмечена характерная особенность: «неизживающая в оскорбленном человеке потребность в любых ситуациях своего прошлого избирать вариант наиболее благополучный» (там же: 393).

Следует отметить, что сохранились совершенно другие свидетельства и оценки Г.Н. Куприянова в отношении Ю.В. Андропова, причем противоположные изложенному. Они датированы десятилетием позднее: «Я очень уважал [в одном из рукописных вариантов написано – «любил» – Ю.В.] Юрия Владимировича. С ним было легко работать, приятно беседовать. В любом большом и малом деле он находил что-то новое, всегда вносил живую струю в проведение любого мероприятия. Его любили не только комсомольцы, но и весь партийный актив. В конце 1943 года секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов настоятельно просил меня отпустить Ю.В. Андропова – хотел рекомендовать его первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины. Я категорически возражал. Наш спор разбирался на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). В резолюции записали: «Слушали просьбу т. Михайлова и письмо т. Куприянова о Ю.В. Андропове. Постановили: в просьбе т. Михайлова отказать, согласиться с мнением т. Куприянова и оставить Ю.В. Андропова на работе в Карело-Финской ССР» (О комсомоле // НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 199. Л. 8–8 об., 9; Записки партийного работника // Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 116. Л. 450–451). Впервые эти слова появились в книге Г.Н. Куприянова «От Баренцева моря до Ладоги», изданной Лениздатом в 1972 г. (Куприянов, 1972: 243–244), а затем в рукописных материалах в архивном фонде (1974–1977 гг.).

В архивных документах славословие в адрес Андропова дополнилось многими фразами. В одном случае Куприянов написал: «Опыт Андропова пригодился в работе в качестве председателя КГБ» (НА РК.Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 116. Л. 451). В другом случае: «Юрий Владимирович значительно вырос за годы войны, обогатился опытом. В 1950 г. окончил университет и получил диплом о высшем образовании. Опыт руководящей комсомольской и партийной работы в годы войны – в его теперешней большой государственной работе» (там же. Оп. 2. Д. 199. Л. 10–11). В данном случае Геннадий Николаевич присочинил по поводу окончания университета, хотя мог и не знать о том, что Андропов не успел закончить историческое отделение Карело-Финского государственного университета: в 1951 г. он отчислился с 4-го курса в связи с переводом в Москву на работу в ЦК ВКП(б).

Метаморфозы в оценочных суждениях Куприянова можно объяснить следующим. Вполне вероятна версия о том, что мнение Куприянова могло измениться после того, как председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов решил вопрос о публикации его книги в Ленинграде, а затем в 1975 г. в Петрозаводске в издательстве «Карелия» увидела свет другая книга Куприянова «За линией Карельского фронта» (в 1979 г. там же вышло второе ее издание, дополненное). Трудно представить, что ленинградские и петрозаводские издатели по собственной инициативе решились опубликовать рукописи Куприянова. Дело не в том, что тексты нуждались в серьезной редакторской обработке. Хотя Г.Н. Куприянов был реабилитирован и восстановлен в партии, отношения со многими партийными, государственными, военными руководителями, а также издателями у него были непоправимо испорчены: слишком нелестные персональные характеристики он раздал очень многим деятелям. Примечательно, что в мемуарах бывших

руководителей Карельского фронта – командующего маршала К.А. Мерецкова и начальника политуправления фронта генерал-лейтенанта К.Ф. Калашникова – нет даже упоминания имени Куприянова (а ведь он был членом Военного совета фронта, генерал-майором). В воспоминаниях бывшего председателя правительства Карелии П.С. Прокконена Куприянов лишь назван в следующей формулировке: «Как известно, первым секретарем ЦК КП Карело-Финской ССР был в то время Г.Н. Куприянов. Возглавляя работу ЦК Компартии, он одновременно являлся членом Военного совета Карельского фронта» (Прокконен, 2010: 114).

Писатель О.Н. Тихонов свидетельствовал, что когда Куприянов приехал в феврале 1971 г. в Петрозаводск добиваться публикации своей книги, никто бывшего секретаря ЦК республики и бывшего члена Военного совета Карельского фронта не ждал, более того, он «нежелателен здесь был» (Тихонов, 1991: 391). Юрий Владимирович Андропов – исключение. Занимая высокие партийные и государственные должности в стране, он не только перешагнул через негатив личного, но и сделал доброе для Куприянова дело, никак не афишируя свое личное участие. В этом проявилась характерная черта личности Ю.В. Андропова (помогать, соблюдая тайну, возможно, даже с условием соблюдения тайны – известны другие подобные случаи из его биографии по воспоминаниям очевидцев).

Вернемся к размышлению: так когда же «мнение т. Куприянова» было искренним? Когда он обличал Андропова или когда он же его превозносил? Перевод Ю.В. Андропова на должность руководителя комсомола Украины, который, как утверждал Куприянов, обсуждался на заседании Оргбюро в конце 1943 г., не подтверждается документально. Не было никакого рассмотрения вопроса на Оргбюро ЦК ВКП(б)! Для того, чтобы убедиться в этом, пришлось просмотреть не только повестки заседаний Оргбюро центрального партийного органа, но и протоколы его заседаний. Сначала за весь последний квартал 1943 г., затем за первый квартал 1944 г. – а вдруг Геннадий Николаевич ошибся по времени, ведь три десятилетия миновало! После этого – протоколы за весь 1943 и весь 1944 г. (заодно и Секретариата ЦК партии). Однако оказалось, что не было такого вопроса! И нигде ни разу подобный случай не упоминается – ни в партийных документах, ни в комсомольских. На Украине было немало своих кандидатов, проявивших себя в организации подпольной деятельности и партизанском движении, тем более специфика работы на оккупированной территории этой республики была совсем другая, нежели в Карелии. А если бы и возник данный вопрос, он был бы решен незамедлительно, причем в рабочем порядке, – в Оргбюро подобные персональные вопросы (судя по повесткам заседаний) не обсуждались, тем более в военное время.

Можно представить гипотетическую схему решения кадрового вопроса. Опытный комсомольский аппаратчик Н.А. Михайлов (одновременно член ЦК и активный член Оргбюро ЦК ВКП(б)) знал способы решения кадровых вопросов, тем более в отношении крупнейшей организации – ЛКСМ Украины. Для этого достаточно ознакомиться с документами по кадровым вопросам, которые были подготовлены по инициативе партийного руководителя Украины Н.С. Хрущева. Показателен лишь один пример: докладная записка секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову (он, как известно, руководил деятельностью и Оргбюро, и Секретариата) от генерал-полковника Голикова Ф.И., начальника Главного управления кадров Наркомата обороны СССР от 18.12.1943 г. Начальник кадровой службы в действующей армии жаловался Маленкову, что «т. Хрущев Н.С. обратился к т. Сталину об отзыве из Красной Армии бывших партийных и советских кадров» и получил одобрение вождя (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Т. 1. Д. 270. Л. 262). Неудивительно: в конце 1943 г. – начале 1944 г. Хрущев регулярно бывал в кремлевском кабинете Сталина – зафиксированы посещения 30 декабря 1943 г., 23 и 30 января, 2 февраля 1944 г. (см.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 184). Если бы Н.А. Михайлов решил провести кадровую перестановку в комсомоле Украины, первым делом он заручился бы поддержкой Н.С. Хрущева, к тому же партийный руководитель Украины также являлся членом Оргбюро ЦК ВКП(б).

Как свидетельствуют архивные документы, настойчивое стремление первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова о переводе Андропова из Карелии было связано с Москвой – аппаратом ЦК ВЛКСМ. Примечательно, что данное желание не реализовалось трижды. Но для этого было веское основание – мнение Г.М. Маленкова, определявшего кадровую политику в стране, а не карельского партийного руководителя Куприянова. В личном деле Ю.В. Андропова в РГАСПИ сохранилось распоряжение № 14 по аппарату ЦК ВЛКСМ от 23 марта 1943 г.: зачислить на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ Андропова Юрия Владимировича на должность зав. отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ с 10 марта 1943 г. с окладом 1200 руб. в месяц. Подписи: управделами ЦК Козловский, зав. столом личного состава Звягина. Но сверху карандашная пометка: нет (т. е. вопрос не был одобрен в ЦК ВКП(б)). Хотя уже была заполнена учетная карточка Андропова в качестве зав. отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ, а в дневной сводке по данному отделу за 24 марта 1943 г. зафиксировано: Андропов Ю.В., зав. отделом, выехал в командировку (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164а. Личное дело Ю.В. Андропова. Л. 29–31). В распоряжении по аппарату ЦК ВЛКСМ отсутствовало основание – кадровое решение секретариата и бюро ЦК ВЛКСМ с указанием номера и даты. Решение не состоялось. Возможно, именно этот случай описан Куприяновым, но в произвольной трактовке по содержанию и по времени, приукрашенной описанием его личного участия. Во всяком случае, в 1943 г. партийный руководитель Карелии категорически возражал против перевода комсомольского руководителя республики в Москву. Конечно, не для того, чтобы выполнить прежнюю задумку – отправить Андропова «повоевать» – «возглавить» комсомольский партизанский отряд. Андропов нужен был Карело-Финской республике как опытный и умелый организатор молодежи, перспективный политический деятель. В послевоенный период в своей книге «От Баренцева моря до Ладоги» Г.Н. Куприянов дал высокую оценку работы секретаря ЦК ЛКСМ Андропова, который, как и другие секретари ЦК комсомола республики, «в тяжелые годы войны проявили незаурядные способности организатора» (Куприянов, 1972: 241–242).

В конце августа 1944 г. Н.А. Михайлов предпринял вторую попытку перевести Андропова в ЦК ВЛКСМ. 31 августа 1944 г. он направил Маленкову письмо, в котором сообщалось: «ЦК ВЛКСМ просит утвердить заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК ВЛКСМ Андропова Ю.В., освободив от должности первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР». Данная просьба мотивировалась тем, что Андропов «показал смелость в постановке и разрешении вопросов, связанных с работой комсомольцев в условиях прифронтовой полосы» (там же. Л. 33). Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагался (там же. Л. 34). Следует обратить внимание на акцентирование качества Андропова – «смелости» в постановке и решении вопросов (в отличие от приведенной выше характеристики Куприянова по поводу якобы «природной» и «хронической трусости»). И в данном случае решение не состоялось. В ЦК ВКП(б) посчитали, что Андропов нужнее на партийной должности в качестве второго секретаря Петрозаводского горкома (должность первого секретаря совмещалась в одном лице партийным руководителем республики Куприяновым). Освобожденная и разрушенная столица Карело-Финской республики нуждалась в скорейшем восстановлении – этим должен был заниматься новый секретарь горкома. По оценке партийных руководителей в Москве, как и в письме Михайлова, выделялись организаторские качества Андропова, но особенно то, что в качестве комсомольского руководителя Карелии он показал себя «смелым в постановке и разрешении вопросов партийной и комсомольской работы». В записке Управления кадров ЦК ВКП(б) Маленкову констатировалось наличие представления Михайлова об утверждении Андропова заворгом ЦК ВЛКСМ, но было поддержано предложение назначить его вторым секретарем Петрозаводского горкома партии. Записка подписана зав. отделом кадров партийных органов Управления кадров ЦК ВКП(б) Андреевым Е.Е. и зам. заведующего отделом Щербаковым В.В. Отмечалось,

что «тов. Андропов сам просит направить его на партийную работу» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 108. Д. 2. Л. 43).

Наконец, третья попытка, так же, как и две предыдущие, оказавшаяся безрезультатной, связана с запиской Михайлова Маленкову от 31 мая 1945 г.: «ЦК ВЛКСМ просит Вас решить вопрос об откомандировании в наше распоряжение» тов. Андропова – второго секретаря Петрозаводского горкома партии КФССР «для использования на работе зам. редактора газеты «Комсомольская правда» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164 а. Л. 36). Категорически возражал Г.Н. Куприянов против перевода Ю.В. Андропова и в этом случае. В тот период Андропов являлся вторым секретарем Петрозаводского горкома партии. Просьбу руководителя ЦК ВЛКСМ, как и прежде, секретарь ЦК ВКП(б) Маленков не удовлетворил: Андропов играл значимую роль в восстановлении столицы КФССР.

Представляются важными сюжеты, связанные с награждениями Ю.В. Андропова. Они оказались настолько запутанными, что даже в научных изданиях встречаются неточности. В годы Великой Отечественной войны Андропов был награжден дважды – медалью и орденом. В 1943 г. он был награжден Центральным штабом партизанского движения медалью «Партизану Отечественной войны» I степени (наградное представление подписано 23 мая 1943 г. секретарем ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепиным). В июле 1944 г. Андропова наградили орденом Трудового Красного Знамени за довоенные заслуги – в связи с 5-летием строительства «Большой Волги» – Волжского гидроузла: в 1939 г. на строительство Рыбинского и Угличского гидроузлов на Волге ярославский комсомол, которым в то время руководил Андропов, мобилизовал и направил 7 тыс. комсомольцев (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164 а. Личное дело Ю.В. Андропова. Л. 26, 39). Второй орден Трудового Красного Знамени Ю.В. Андропов получил после войны – в 1948 г., в год 25-летнего юбилея Карельской республики. В это время он занимал должность второго секретаря ЦК КП(б) КФССР.

Путаница по поводу награждений Андропова в военные годы связана с рядом представлений его к награждению орденом боевого Красного Знамени, которые не были реализованы. Неоднократные ходатайства о награждении засвидетельствованы в архивных документах. 16 октября 1943 г. секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление № 522/12 «О представлении к награде Андропова Ю.В.», в котором записано: «Войти с ходатайством в Центральный штаб партизанского движения о награждении Андропова орденом Красного Знамени» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164 а. Личное дело Ю.В. Андропова. Л. 32). Данное решение ЦК ВЛКСМ было поддержано Центральным штабом партизанского движения: в ходатайстве ЦК ВЛКСМ на характеристике Андропова, подписанной А.Н. Шелепиным 19 октября 1943 г., есть резолюция начальника ЦШПД П.К. Пономаренко «Представить к награждению». Однако это представление не было удовлетворено в связи с ликвидацией ЦШПД в январе 1944 г.

2 июня 1944 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов направил в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова Г.М. ходатайство о награждении 44 комсомольцев, отличившихся в организации подпольной работы и партизанском движении. В перечне представленных к награждению насчитывалось 12 руководителей Брестского, Орловского, Татарского, Архангельского, Ивановского, Калининского, Ростовского, Рязанского обкомов комсомола. В этом списке были два представителя ЦК ЛКСМ Карело-Финской республики: Андропов Ю.В. (представлен к награждению орденом Красного Знамени) и Королев Н.С. ... секретарь ЦК ЛКСМ Карелии по военной работе (орденом Красной Звезды). Подобный состав кандидатов к награждению боевыми орденами свидетельствовал о весомой оценке деятельности, которую заслужили ЦК комсомола Карелии и его руководители в данной работе. Из аппарата ЦК ВЛКСМ предлагалась кандидатура зав. военным отделом Постникова Д.В. (к награждению орденом Красного Знамени) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Т. 1. Д. 477. Л. 32–34). Характеристика Андропова в наградном листе, датированная 30.05.1944 г., подписана А.Н. Шелепиным. В ней отмечалось, что Андропов «проявляет личную инициативу и обладает большими организатор-

скими способностями» (там же. Л. 53). Было еще одно ходатайство ЦК ВЛКСМ от 17.08.1944 г. (характеристика подписана также Шелепиным) о награждении Андропова орденом Красного Знамени, но оба документа оказалось нереализованным (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164 а. Личное дело Ю.В. Андропова. Л. 12).

Следует отметить, что 23 сентября 1944 г. секретарь ЦК КП(б) КФССР Г.Н. Куприянов подписал ходатайство о награждении Ю.В. Андропова.

**Выписка из наградного листа на Андропова Ю.В.,
представленного к награждению орденом Красного Знамени**

Петрозаводск 23 сентября 1944 г.

За период Отечественной войны тов. Андроповым проделана большая работа в деле развития партизанского движения и создания комсомольского подполья на временно оккупированной территории Карело-Финской республики.

За 1941 – [19] 43 гг. ЦК ЛКСМ КФССР при непосредственном участии тов. Андропова подготовлено и направлено в партизанские отряды КФССР более 400 комсомольцев и молодежи, кроме этого, около 50 ответственных комсомольских работников было послано в тыл врага организаторами комсомольского подполья и агитаторами. Создано и работает 7 подпольных РК ЛКСМ и более 30 первичных комсомольских организаций.

За два года для оккупированного населения ЦК ЛКСМ КФССР выпущено и заброшено большое количество листовок, большое количество книг, брошюр, газет. По инициативе тов. Андропова было собрано значительное количество подарков для партизан.

Партизаны-комсомольцы Карело-Финской республики в борьбе против немецко-финских захватчиков показывают образцы героизма и самоотверженности. Более 300 партизан-комсомольцев награждены правительственными орденами и медалями СССР.

По инициативе комсомола молодежь республики еженедельно работала 2 часа сверх рабочего времени в помощь фронту. В еженедельные комсомольские вторники сделано и передано Армии и партизанам свыше 50 тысяч пар лыжных колец, 4200 минных ящиков, выстирано и отремонтировано 20 тыс. кг белья, собрано и заготовлено 92 800 кг грибов, 82 215 кг ягод и т. д.

Тов. Андропов Ю.В. во всех мероприятиях комсомольской организации проявляет личную инициативу и обладает большими организационными способностями.

**РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 132. Л. 89. Подлинник. Автограф
Куприянова Г.Н.**

Данное представление от 23 сентября 1944 г. (как и многие другие ходатайства о карельских подпольщиках и партизанах) не было удовлетворено в Москве. Осенью 1944 г. Ю.В. Андропов был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КФССР.

Гипотетически можно поразмышлять на тему: разумно ли было опытного организатора молодежи в лице первого секретаря ЦК ЛКСМ Ю.В. Андропова отправить командовать одним из партизанских отрядов – несомненно, с этой задачей лучше бы справился командир с военной закалкой. Андропов же еще до войны зарекомендовал себя умелым комсомольским руководителем: в 1938–1940 гг. он возглавлял областную комсомольскую организацию в Ярославле, количественно более крупную, чем карельская (в предвоенные годы численность комсомола Карелии составила 32,5 тыс. человек, а только за период работы Андропова секретарем Яро-

славского обкома комсомола в комсомол было принято 32 806 человек). Имя Юрия Андропова в довоенные годы стало известно в стране: его статьи публиковали центральные газеты и журналы: газета «Правда» (Андропов Ю. Новое в работе комсомола // Правда. 1939. 15 апреля); «Комсомольская правда» (Андропов Ю. Шефы «Большой Волги» // Комсомольская правда. 1940. 14 февраля), журнал «Молодой большевик» (Андропов Ю. Великие права советской молодежи // Молодой большевик. 1940. 15 декабря).

Примечательно, что уже в ярославский период Андропова в ЦК ВЛКСМ обратили внимание на характерную черту характера молодого руководителя – он не боялся брать на себя смелость и ответственность в решении важных вопросов. Правда, в то время это не всегда поощрялось. В частности, в характеристике на утверждение в Управление кадрами ЦК ВКП(б) от 18.08.1939 г., подписанной секретарем ЦК ВЛКСМ по кадрам Г.П. Грозовым, констатировалось: «отрицательным моментом в работе т. Андропова является отсутствие коллегиальности в решении вопросов» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 18. Д. 164 а. Личное дело Ю.В. Андропова. Л. 7).

Когда в 1940 г. по воле И.В. Сталина была создана шестнадцатая союзная республика в составе СССР – Карело-Финская ССР, Юрий Андропов был выбран, рекомендован и направлен руководством ЦК ВЛКСМ руководителем комсомольской организации новой республики. Одним из инициаторов данного решения был также тогдашний первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Н.С. Патоличев. С 3 июня 1940 г. до 11 октября 1944 г. Андропов работал первым секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР. Более трех тяжелых военных лет Андропов возглавлял республиканский комсомол. По свидетельству Федора Кузнецова (секретарь по школам ЦК ЛКСМ в 1942–1944 гг., затем второй секретарь – Ю.В.), «ЦК ЛКСМ с первых дней войны был своего рода штабом, где оперативно решались различные вопросы, связанные с удовлетворением нужд фронта, где рождались и получали развитие различные патриотические начинания молодежи в прифронтовой обстановке» (цит. по: Шлейкин, 2014: 54).

Решение кадровых вопросов в комсомоле как общественной организации являлось компетенцией ее руководства: секретариата, первого секретаря Н.А. Михайлова. В данном случае ЦК ВЛКСМ принимал на себя ответственность за своего выдвиженца в обеспечении достойного уровня руководства молодежной организацией в пограничной республике, сформированной по единоличному решению Вождя – Сталина. ЦК ВЛКСМ являлся непосредственным руководителем первого секретаря ЦК ЛКСМ КФССР, а не партийный руководитель вновь созданной республики, который мог руководствоваться «партийной дисциплиной» для выполнения своих пожеланий (было принято, что кадровые назначения комсомольских органов утверждались соответствующими партийными органами).

Противоречивые оценки Г.Н. Куприянова вызывают немало сомнений и вопросов. Не возникало ли у партийного руководителя республики желания переложить вину за собственные просчеты и неудачи на плечи других? Опытный партийный руководитель, в 1938 г. являвшийся членом т. н. «тройки» в Карелии, утверждавшей расстрельные дела, Куприянов не мог не понимать степень возможной ответственности за негативные результаты в организации и управлении партизанской и подпольной работой в республике. По статистике, за три года войны каждый второй партизан погиб, умер от истощения или ран, пропал без вести в лесах и болотах, был отчислен по состоянию здоровья, подорванного непосильными нагрузками (см.: Гнетнев, 2011: 5).

Первый секретарь ЦК КП(б), член Военного совета Карельского фронта Г.Н. Куприянов рассматривал партизанское движение прежде всего как объект партийного руководства и контроля. Стремление продемонстрировать успешную и активную деятельность в этой области заслоняло серьезные недостатки в организации партизанского движения. Особенно это касалось координации, управления и руководства боевыми действиями отрядов. Нельзя не согласиться с мнением, что основная ответственность за неудачи и потери летнего похода в

1942 г. первой партизанской бригады И.А. Григорьева лежит как на штабе партизанского движения под руководством генерал-майора С.Я. Вершинина, так и на командовании Карельского фронта в лице члена Военного совета фронта генерал-майора Г.Н. Куприянова. Именно они поставили перед бригадой заведомо неосуществимые задачи, разработали план операции без учета конкретной обстановки и не смогли организовать обеспечение, прежде всего продовольственное, в ходе рейда бригады. (См.: Веригин, 2009: 267). Отнюдь не Андропов повинен в том, что из 225 комсомольцев, участников героического, одновременно трагического и «голодного» (по определению партизан) похода бригады в июне – августе 1942 г., погибли 194 человека (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 10. Л. 48; Д. 188. Л. 4–6). Комсомольцы – участники похода получили достойные награды, многие посмертно: орденом Ленина были награждены 4 молодых партизана, орденом Красного Знамени – 6, орденом Красной Звезды – 27, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» – 24 (см.: Чекисты Карелии, 1986: 47). История похода первой партизанской бригады правдиво описана в романе-хронике Д.Я. Гусарова «За чертой милосердия» (см.: Гусаров, 1977).

Поход партизанской бригады в июле – августе 1942 г. стал подлинной трагедией для партизанского движения в Карелии. В ходе рейда бригада потеряла четыре пятых своего состава. Именно после этого драматического похода большого партизанского соединения возник критический недостаток кадров в карельском партизанском движении, включая бойцов и командиров партизанских отрядов: многие погибли (включая командира бригады майора И.А. Григорьева), получили ранения, выбыли из строя по состоянию здоровья. Восполнить потери партизанских отрядов было нечем: в республике уже были мобилизованы все, способные носить оружие. Образовавшуюся брешь надо было срочно как-то закрывать. Может быть, здесь и возникла идея у партийных руководителей Г.Н. Куприянова и И.В. Власова отправить в прорыв комсомольского руководителя (фактически переложить ответственность)? Можно утверждать, что именно по инициативе Ю.В. Андропова была решена эта сложнейшая проблема. Благодаря распоряжению первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова в республику оперативно поступило летом и осенью 1942 г. значительное пополнение партизанских кадров, сформированное из молодежи различных регионов страны. Чтобы по достоинству оценить данный факт, следует подчеркнуть: боевые ресурсы были направлены на север, а не на юг, в районы стратегического направления боевых операций летом и осенью 1942 г. Поэтому особенно значима роль пополнений ЦК ВЛКСМ в Карелию в критический военный период – в этом заслуга организаторов этого процесса.

Много лет спустя, в 1970-е гг., Г.Н. Куприянов объяснял на встрече бывшим партизанам необходимость похода партизанской бригады стратегическим планом прорыва ленинградской блокады, разработанным Верховным Командованием, чтобы оттянуть и связать крупные войсковые соединения финской армии, дезорганизовать тыл противника. Но в связи с обстановкой под Сталинградом планы изменились – в результате партизанской бригадой фактически пожертвовали. Один из участников того разговора – Иван Комиссаров¹ выразил свои впечатления от этой информации: «Получается, мы с ребятами оказались, будто червяки на крючке, – приманкой. Выходит так, что под неосуществившиеся планы командование положило целую бригаду? Я не великий стратег. Я знал только приказ. Но не потому ли ... все мы в бригаде не знали, куда на самом деле должны идти?» (Гнетнев, 2011: 244). Перед выходом в поход Куприянов наделил «особыми полномочиями» своего ставленника в 1-й партизанской бригаде – комиссара Н.П. Аристова. Раненые партизаны добивались по приказу комиссара особо назначенными им людьми. Подобный сценарий был согласован заранее с Куприяновым. По свиде-

¹ Иван Комиссаров с 16 лет работал на Сегежском ЦБК, секретарь комсомольской организации комбината, в 19 лет в июле 1941 г. вступил в партизанский отряд «Боевые друзья», воевал бойцом разведзвезда до лета 1943 г., затем был утвержден помощником комиссара отряда по комсомолу. Награжден двумя орденами Красной Звезды.

тельству Д.Я. Гусарова, обсуждавшего данную тему с Куприяновым в 1970 г., бывший партийный руководитель республики был убежден в своей правоте: раненые тормозили продвижение бригады, были обузой во время боевых действий. Куприянов отличался авторитарностью и неуступчивостью по любому, даже самому малому вопросу (см.: Гнетнев, 2015: 194, 196).

Кто повинен в той несоразмерной цене, которая оплачена многими человеческими жизнями? Тактика использования партизан в столь больших масштабах для республики оказалась провальной. До сих пор неясна изначальная цель: для чего в тыл противника было отправлено крупное соединение из 6 партизанских отрядов (648 бойцов и командиров)? Современные исследователи подвергают сомнению трактовку Куприянова: «Были ли у верховного командования такие планы или их не было, и имеем ли мы дело с мифами, нам еще предстоит узнать. Может быть, ничего подобного в реальности и не существовало, а генералами в Беломорске [военной столице КФССР. – Ю.В.] двигало понятное и вполне земное желание попасть в сводку Совинформбюро, отметиться громкими боевыми делами перед Верховным Главнокомандующим. И недогнувшей рукой они бросали на гибель сотни партизан» (Гнетнев, 2011: 218). Данная версия является вполне правдоподобной. 1 сентября 1942 г. Советское информбюро сообщило сводку с информацией о походе партизанской бригады в Карелии.

Весной 1942 г. в штабе Карельского фронта был разработан план наступления на Карельском фронте летом 1942 г. Одним из его инициаторов являлся член Военного совета генерал-майор Г.Н. Куприянов. План поддержал командующий фронтом генерал-полковник В.А. Фролов. По задумке разработчиков, у Карельского фронта были достаточные средства, чтобы сковать противника и не дать ему перебросить на юг, где наступали немцы, ни одной части. Планировалось проводить наступательные операции не только на фронте, но и силами партизанских отрядов в тылу противника. Целью определялась следующая формула: немец, убитый на севере, не попадет на юг – это будет помощь войскам, сражающимся на юге, со стороны Карельского фронта. Для выполнения плана, по подсчетам штаба фронта, было необходимо выделение крупных резервов Ставки: 8 дивизий, танковых, артиллерийских, инженерных и дорожно-строительных частей. Разработанный план командования Карельского фронта требовал одобрения. По версии Куприянова, в марте 1942 г. командующий фронтом генерал-полковник В.А. Фролов вместе с командующим 7-й Отдельной армией генерал-лейтенантом Ф.Д. Гореленко ездили в Москву для личного доклада И.В. Сталину. По описанию Куприянова, командующий Фролов просил выделить 5–6 тыс. автоматов. Сталин распорядился – дать 15 тыс., а также пулеметы. Также Сталин дал им указание продумать план наступления на юго-запад от станции Масельгская, чтобы совместно с войсками Ленинградского фронта прорвать блокаду Ленинграда с севера (см.: Куприянов, 1972: 247, 273). По поводу данной версии возникает вопрос, связанный с тем, что среди посетителей кремлевского кабинета Сталина не на личном приеме, а на совещании 26–27.03.1942 г. генерал Гореленко Ф.Д. действительно был (см.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 56). А вот фамилии командующего фронтом генерала Фролова В.А. там не зафиксировано (там же: 181). Поэтому указанная выше версия Куприянова документально не подтверждается.

Возникают также сомнения по поводу другой версии Куприянова, связанной с его поездкой в блокадный Ленинград в июне 1942 г., чтобы представить разработанный штабом Карельского фронта план наступления и заручиться поддержкой члена ГКО А.А. Жданова и Военного совета Ленинградского фронта. По рассказу Куприянова, он прибыл в Ленинград и был принят Ждановым 6 июня 1942 г. План был одобрен, Жданов рекомендовал добиваться его рассмотрения в Ставке (НА РК.Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 214. Л. 191–192; Куприянов, 1972: 273). Позднее, 17 июня, состоялась новая встреча со Ждановым в Москве. Вечером этого же дня – прием Куприянова начальником Генштаба А.М. Василевским. План наступления на Карельском фронте, представленный Куприяновым, не был одобрен. Василевский объяснил: главное стратегическое направление боевых действий летом 1942 г. – центр и юг страны (Сталин-

град, Волга, Кавказ). Ленинград не рассматривался Ставкой Верховного главнокомандования в качестве приоритетного направления. Кроме того, Ставка решила снять с Карельского фронта две дивизии. 18 июня в московском кабинете Жданова Куприянов доложил ему о результатах решения Ставки (см.: Куприянов, 1972: 277, 279). Сомнение по поводу достоверности описанных сюжетов вызвано тем, что в журнале посещений А.А. Жданова зафиксированы лишь два приема Куприянова за все годы войны, причем оба в кабинете в Москве – 20.06.1942 г. и 24.11.1943 г. Никаких сведений о приеме в кабинете в Смольном нет (см.: Журнал посещений А.А. Жданова. 1941–1944 гг., 2014: 336).

В контексте изложенного поход крупного партизанского соединения по тылам противника в Карелии в июле – августе 1942 г. никак не мог быть частью общестратегического плана штаба Карельского фронта летом 1942 г.: план активных наступательных операций на Севере не был одобрен в Ставке в июне 1942 г. Поэтому объяснения генерала Куприянова выглядят как оправдание. В послевоенный период попытки объяснения трагических последствий обосновывались сложившейся обстановкой, когда летом 1942 г. враг рвался на юге страны к Волге и Кавказу, а также задачей, поставленной Главным командованием перед штабом Карельского фронта: активными действиями сковывать силы противника, не дать ему перебросить на южное направление ни одного батальона. Такова, по Куприянову, была главная задача в оказании помощи войскам на юге летом и осенью 1942 г. В условиях лета 1942 г. первая партизанская бригада отвлекла почти три пехотных полка противника – этот результат Куприянов считал большим и важным делом, помощью войскам юга в районе Ростова, Сталинграда (см.: Куприянов, 1972: 107). В контексте данной логики разгром штаба 2-го финского корпуса в Поросозере не был и не мог быть самоцелью летнего похода 1942 г. Разгром мог произвести известный эффект, но ни в чем не изменил бы общестратегического плана обороны средней Карелии. Все осталось бы в конечном итоге по-старому (см. там же: 113). Аргументация Куприянова не оправдывает его и организаторов 57-дневного похода партизанской бригады летом 1942 г.

В своих воспоминаниях советские военачальники маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский детально осветили и объяснили ситуацию, связанную с военной кампанией весной и летом 1942 г. По мнению Г.К. Жукова, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин допустил собственную личную ошибку при утверждении плана действий советских войск в весенней и летней кампании 1942 г. Поэтому позднее он не искал в Ставке и Генштабе виновников неблагоприятной военной обстановки, сложившейся летом 1942 г. (см.: Жуков, 1970: 376). Сталин инициировал идею начать как можно быстрее общее наступление Красной Армии на всем фронте от Ладожского озера до Черного моря. 5 января 1942 г. в Ставке Верховного главнокомандования состоялось совещание для обсуждения проекта этого плана. Замысел Сталина предполагал в ходе общего наступления разгром противника под Ленинградом и ликвидацию блокады города. Переход в общее наступление предполагалось осуществить в крайне сжатые сроки. Это было единоличное решение Сталина. Не было учтено, что под Ленинградом оборона противника была настолько мощной, что советские войска в то время не имели ресурсов для ее прорыва (там же: 351). Начальник Генштаба Б.М. Шапошников после совещания сообщил Жукову: этот вопрос был заранее решен Верховным Главнокомандующим, это было его личное решение. Шапошников не одобрял его, но возражать было бессмысленно (см. там же: 352, 354).

По оценке А.М. Василевского, до сентября 1942 г. сказывалась недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина. В то время решения, как правило, принимались им единолично и нередко неудачные. Так было с планом военной кампании на весну и лето 1942 г. (см.: Василевский: 2: 228). 10 января 1942 г. Ставка Верховного главнокомандования направила военным советам фронтов и армий директивное письмо об опыте военных действий и задачах. Инициатором его был Сталин, который лично редактировал текст директивы. Стави-

лась задача – обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 1942 г. Однако для выполнения поставленных задач нужны были значительные дополнительные силы и ресурсы. Поэтому войска, не завершив начатых наступательных операций, в апреле 1942 г. перешли к обороне. Причина – отсутствие необходимых сил и средств для их продолжения. Крупных материальных ресурсов в то время не было. В Карелии была достигнута стабилизация положения (см.: Василевский, 1988: 1: 100, 168, 222).

Весной 1942 г. планы военных действий пришлось существенно корректировать. Сталин осознал, что весной и летом 1942 г. еще нет достаточных сил и средств для крупных наступательных операций. Он пришел к выводу о необходимости ограничиться активной стратегической обороной (это предлагал Генштаб), но тем не менее продолжал настаивать на проведении ряда частных наступательных операций, в т. ч. в районе Ленинграда (см.: Жуков, 1970: 364). План летней военной кампании, утвержденный ГКО в конце марта 1942 г., предусматривал переход к стратегической обороне и накоплению резервов для последующего решительного наступления. Однако указание Верховного Главнокомандующего о проведении в ближайшее время частных наступательных операций противоречило плану. Наиболее уязвимым оказалось в нем решение одновременно обороняться и наступать. В числе наступательных направлений назывались действия под Ленинградом. По мнению Сталина, это должно было закрепить успехи зимней кампании, удержать стратегическую инициативу и сорвать мероприятия гитлеровских войск по подготовке нового наступления летом 1942 г. Обоснованные данные разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены. События лета выявили допущенный стратегический просчет (см.: Жуков, 1970: 365–366; Василевский, 1988: 1: 205–206). Вполне вероятно, что трагические события в Карелии летом 1942 г. оказались одним из последствий этого просчета Верховного Главнокомандующего. Командование Карельского фронта было осведомлено о позиции Генштаба РККА, но не внесло коррективы в собственный план, связанный с проведением крупной партизанской операции в Карелии. Повинны в этом в первую очередь руководители, отвечавшие за организацию партизанского движения, – члены Военного совета Карельского фронта: генерал-майор Куприянов Г.Н. и начальник штаба партизанского движения при Военном совете фронта генерал-майор Вершинин С.Я. Однако никто из руководителей партизанского движения на Карельском фронте и партийного руководства не понес персональной ответственности за провал операции (см.: Чумаков, Ремизов, 2007: 250).

Приведенное выше свидетельство Г.К. Жукова объясняет ситуацию: никто в высшем партийном и военном руководстве страны не инициировал сверху кампанию поиска виновных в неудачах военной обстановки, сложившейся летом 1942 г., причиной которых была личная ошибка Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Однако вину за неудачу партизанской операции в Карелии припомнили: на генеральских погонах членов Военного совета Карельского фронта Куприянова Г.Н. и Вершинина С.Я. за весь период войны не прибавилось ни одной звезды (хотя представления были). Да и с наградами оказалось непросто: Куприянов, награжденный после Зимней войны с Финляндией (в мае 1940 г.) орденом Ленина («за выполнение боевых заданий в войне с белофиннами», как он сам написал в личном листке по учету кадров в 1946 г.), в августе 1944 г. получил менее статусный орден Красного Знамени. Представление к награждению Вершинина «полководческим» орденом Кутузова I степени в сентябре 1944 г. оказалось в числе невостребованных наградных дел. В то же время именно этим орденом в июле 1944 г. был награжден член Военного совета Карельского фронта генерал-лейтенант Т.Ф. Штыков, которому в том же году было присвоено звание генерал-полковника.

Просчеты партийного руководства республики как в организации партизанского движения, так и подпольной работы в оккупированных районах стоили многих жизней карельских подпольщиков и разведчиков. За период войны ЦК Компартии были посланы на подпольную работу на оккупированной территории 121 человек, в т. ч. 46 комсомольцев. Возрастной состав: 47 подпольщиков – 18–25 лет, 73 человека – 25–40 лет. Погибли 58 человек (47 %)

(Куприянов, 1979: 270). Перенесение в Карелию белорусского, украинского, брянского, орловского, смоленского опыта борьбы на оккупированных территориях являлось одной из роковых ошибок тогдашнего политического и военного руководства республики. Создание разветвленной и многочисленной сети подпольных организаций в оккупированных районах Карелии было объективно невозможно. В отличие от партийного руководства Карело-Финской республики, Ю.В. Андропов достаточно быстро сделал соответствующие выводы и доложил в ЦК ВЛКСМ о необходимости внесения корректив в организацию работы на оккупированных территориях. Удивительный факт: за годы войны в республике зафиксированы лишь два факта предательства со стороны комсомольцев-подпольщиков. По оценке Н. Тихонова, инструктора военного отдела ЦК ЛКСМ республики, впоследствии ставшего крупным руководителем в Карелии, «потребность в исчерпывающем знании проблемы, подлежащей решению, деловитость и принципиальная настойчивость уже тогда были присущи Юрию Владимировичу в высшей мере. Действия его при всей основательности были стремительными, умение перестроиться в нужный момент – поразительным» (Чекисты Карелии, 1986: 62).

Две трети территории прифронтовой республики, включая столицу Петрозаводск, были оккупированы финляндскими войсками. В своих воспоминаниях Куприянов отметил: «Я много раз в дни войны бывал под артобстрелом, пулеметным огнем и бомбежкой. Там смерть тоже носилась рядом, и много раз в какие-то моменты невольно приходилось вспоминать о ней» (Куприянов, 1989: 171). Действительно, прифронтовые районы жили напряженной жизнью. Нередко люди работали только ночью, пользуясь отсутствием налетов вражеской авиации. В подобных же условиях находился и Андропов. В одном из писем он описал эпизод, связанный со своим участием в формировании 131-го стрелкового полка: в июле 1941 г. полк был срочно переброшен закрывать брешь отступающего фронта на Суоярвском направлении. Так Андропов оказался в районе боев: «На днях был на самых передовых (район Суоярви) <...> Видал теперь, впервые в жизни, настоящую боевую жизнь. Довелось даже пострелять врага. Как я себя чувствовал? В основном неплохо, но, честно говоря, в себя пришел не сразу. Ну, теперь – «мы солдаты стреляные» (цит. по: Шлейкин, 2014: 43). 131-й полк 71-й дивизии 7-й армии был сформирован благодаря активному участию ЦК ЛКСМ Карелии и лично Андропова, в его состав вошли добровольцы из комсомольских кадров и молодежи. Полк вел тяжелые оборонительные бои с превосходящими финскими частями, а также с элитной 163-й немецкой дивизией в июле – августе 1941 г. Более полутора месяцев он героически прикрывал важное направление на Суоярви и Петрозаводск.

По свидетельству комиссара партизанского отряда «Комсомолец Карелии» Ивана Инниева, его первая встреча с Андроповым произошла недалеко от Калевалы – комсомольский руководитель часто бывал в отряде, созданном по его инициативе (там же. С. 97). Нередко видели Андропова и в пограничных частях. Решением бюро ЦК ЛКСМ 29 ноября 1942 г. 101-му погранполку НКВД охраны тыла Карельского фронта было присуждено переходящее Красное знамя комсомола Карело-Финской ССР. Знамя пограничникам вручал Андропов.

В своем письме первому секретарю ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлову от 13 марта 1942 г. Андропов написал: «Тут и есть самый настоящий фронт» (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 186. Л. 26). Комсомольский руководитель носил армейскую форму: шинель, гимнастерка, брюки, сапоги, фуражка. Андропов лично сопровождал многие группы для отправки в тыл врага. Так, в июле 1943 г. большая группа разведчиков отправилась из Беломорска в распоряжение 7-й армии в Ленинградскую область – до станции Оять Кировской железной дороги, ближайшей к полемому аэродрому, с которого осуществлялась заброска разведчиков в глубокий тыл врага. В воинских частях они размещались в землянках, где ожидали вылета самолетов, часто под бомбежкой. Прямо на передовой состоялась встреча Андропова с Федором Вайгановым, бывшим инструктором ЦК ЛКСМ, политработником воинской части. В июне 1944 г., когда Андропов сопровождал группу на полевой аэродром в поселок Девятины Вологодской области

для отправки в Шелтозерский район, было получено сообщение о начале наступления морских пехотинцев Онежской военной флотилии на Петрозаводск (Чекисты Карелии, 1986: 56–58, 60). Он стал первым представителем руководства республики, прибывшим в освобожденный Петрозаводск. Установлено, что Андропов прибыл в Петрозаводск вечером 28 июня на катере Онежской военной флотилии из Вытегры (Гольденберг, Шлейкин, 2016: 35).

По указанию командующего Онежской флотилией капитана 1-го ранга Н.В. Антонова в городе сразу же был развешан приказ: по праву старшего по званию и должности он берет на себя всю полноту военной и гражданской власти в Петрозаводске. Даже к таким деталям Г.Н. Куприянов относился крайне ревниво, утверждая, что именно он первым из руководства республики добрался до Петрозаводска, а Андропов якобы прибыл в освобожденную столицу вечером 29 июня в составе 368-й дивизии и стал его «единственным помощником по гражданским делам», так как только вечером 30 июня прибыла группа работников горкома партии, а через 2–3 дня – аппарат ЦК и Совнаркома республики (см.: Куприянов, 1972: 346, 349, 351–352).

В воспоминаниях Г.Н. Куприянова нередко выпячивается его собственная роль как руководителя партизанского движения в Карелии. В Личном листке по учету кадров, датированным 26 ноября 1946 г., в графе «Участвовал ли в партизанском движении и подпольной работе» он собственноручно записал: «Руководил партизанским движением и подпольной работой на территории КФССР, временно оккупированной немцами и финнами в 1941–1944 гг. (сам на оккупированной территории не был)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 206573. Л. 4. Личное дело Куприянова Г.Н.). 25 октября 1941 г. решением бюро ЦК Компартии руководство партизанскими отрядами Карелии было передано НКВД республики (четвертому отделу). Основную оперативную работу по организации партизанского движения выполняли не партийные руководители, а органы госбезопасности. В июне 1942 г. был организован штаб партизанского движения при Военном совете Карельского фронта, который подчинялся Центральному штабу партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования, созданному 30 мая 1942 г. ЦШПД возглавлял П.К. Пономаренко.

В описаниях партийного руководства партизанским движением нередко проявлялись надуманные сюжеты. В первом варианте рукописи книги «За линией Карельского фронта» ее автор утверждал, что «в вещевом мешке каждого партизана, уходившего в тыл врага на задание, непременно был томик «Краткого курса истории ВКП(б)»... Большого труда партизанам стоило убедить автора в необходимости снять это нелепое утверждение» (цит. по: Гнетнев, 2011: 7). В изложении бывшего политрука, помощника комиссара по комсомолу партизанского отряда «Железняк» С.П. Татаурщикова этот эпизод представлен следующим образом: «Еле убедил. Говорю: Ну не было такого, Геннадий Николаевич! Ведь каждая иголка на счету. Я даже свой кольт в походы перестал носить, а вы с «историей партии»... А ведь генерал Куприянов, в числе других руководил партизанским движением, считался авторитетом в истории войны на территории Карелии и лучше многих знал предмет, о котором писал...» (там же). Конечно, странный факт, когда читаешь и сопоставляешь с ним боевые донесения о походах партизанских отрядов в тыл врага. Например, в донесении отряда «Боевые друзья» о дальнем месячном походе, включая территорию Финляндии, отмечалось, что во время выхода партизан в этот рейд груз партизана достигал 50–55 кг (РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 188. Л. 188). Несомненно, все это было известно генерал-майору Куприянову. Тогда где мотив подобного приукрашивания военной действительности? Может быть, партийному руководителю хотелось показать успешные результаты работы спецшколы ЦК Компартии республики в Беломорске, готовившей кадры для отправки в тыл врага, в учебной программе которой изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» занимало почти вдвое больше времени, чем военная и специальная подготовка?

Бывший партизан, народный писатель Карелии Дмитрий Яковлевич Гусаров, автор ряда документально-художественных произведений о партизанской войне в Карелии, свидетельствовал: «...Вновь и вновь убеждаюсь, сколь поверхностно, легкомысленно и «по-вождистски» занимался партизанским движением член Военного совета фронта, первый секретарь ЦК республики Г.Н. Куприянов. Да, многое в партизанских делах делалось столь безответственно, диву даешься. Теперь это ясно. И как хорошо, что тогда, в годы войны, мы, рядовые партизаны, ничего этого не знали и свято верили, что все делается нашими руководителями самым лучшим, единственно возможным образом. Это помогало нам сохранить бодрость, веру, преданность, и это помогало одержать победу, хотя она в партизанской борьбе достигалась иногда слишком большой ценой» (Гусаров, 1996: 57). 18-летний Дмитрий Гусаров добровольцем прибыл в Карелию из Свердловской области и летом 1942 г. был зачислен бойцом в партизанский отряд «Боевые друзья», затем стал командиром отделения разведки. В 1944 г. тяжело ранен в ногу. Оценки Д. Гусарова созвучны данным, приведенным в документальной повести О.Н. Тихонова (см.: Тихонов, 1971), в которой представлены тексты радиogramм, отправленных Г.Н. Куприяновым и И.В. Власовым в адрес разведчиков, работавших в тылу противника. Они являются документальной иллюстрацией невысокой компетентности и оперативности партийных руководителей в организации подпольной работы в тылу противника, нередко занимавшихся не своими функциями. Последствием подобного руководства становились факты провалов и гибели целого ряда групп, а также предательства со стороны некоторых их членов.

Народный писатель Д.Я. Гусаров в одном из своих писем от 23 мая 1975 г. дал точную характеристику бывшему партийному руководителю республики Г.Н. Куприянову. Это случилось после 6 часов неформальной беседы с Куприяновым в ноябре 1970 г. в Доме творчества писателей в Комарово под Ленинградом: «...Он очень меня разочаровал, ибо я считал его глубже, по крайней мере – менее фанфаронистым. Он выпускает книгу о партизанском движении, и вся она нацелена как бы на самооправдание, на зализывание тех реальных ошибок и трудностей, какие были допущены им и его приближенными <....> беседа с ним придала мне творческой злости против небрежения реальным...» (цит. по: Гнетнев, 2015: 219). Гусаров подметил характерную черту Куприянова: «он был человеком своего времени, *не умел признавать ошибок даже в частных вопросах*» [курсив наш. – Ю.В.] (там же. С. 201).

По описанию Куприянова, в годы войны работой подпольных комитетов руководил его подчиненный И.В. Власов (НА РК. Ф. Р-3435. Оп. 2. Д. 214. Л. 139). По утверждению партийного руководителя республики, роль Андропова заключалась в том, что он «помогал заведующему орготделом ЦК партии И.В. Власову в подборе кадров, в их обучении и отправке за линию фронта» (Куприянов, 1972: 243). Организация подпольной работы на территории противника требовала от организаторов широкой эрудиции и кругозора. Оперативные задания и легенды, подготовленные Андроповым для подпольщиков, отличались изобретательностью и индивидуальным творческим подходом. Первые ходки представителей комсомольского подполья в 1942 г. завершились успешно, о чем свидетельствовали их подробные донесения. Однако, когда подключалось «партийное руководство», начинались частые провалы, что являлось следствием некомпетентности и недальновидности руководителей партийного подполья во главе с заворгом ЦК Власовым. Партийные комитеты слабо занимались подбором кадров подпольщиков. В результате значительную часть комсомольских подпольщиков забрали в состав партийных подпольных групп. Оперативные планы и задания «ходок» в тыл противника, подготовленные Власовым, порой поражают формализмом и непрофессиональным подходом. Об этом свидетельствуют, в частности, составленные Власовым оперативный план второй ходки А. Питкянена на задание в Петрозаводск (апрель 1942 г.), план-задание и оперативное задание для группы П. Маунумяки и И. Яковлева в Петрозаводск и Прионежский район (июнь 1942 г.), оперативное задание для Калевальской диверсионной группы (командир Филатов М., бойцы группы Морозов Е., Денисюк Г., Никкаринен В., радист Архипов), направленной на участок

дороги Юнтусранта – Лонко – Войница – Ухта с целью организации диверсий, дезорганизации движения транспорта противника к фронту, ликвидации мостов, строений, складов, машин (октябрь – ноябрь 1942 г.). Документы утверждались Куприяновым (НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–3; Д. 73. Л. 1, 5, 8; Д. 34. Л. 1). Павел Маунумяки и Иван Яковлев погибли в июле 1942 г. Группа Михаила Филатова не выполнила задание: она не смогла добраться до места проведения операции – настолько оказался на местности нереальным и запутанным их маршрут, нарисованный по карте партийными руководителями в кабинетах в Беломорске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.